

У Нины Косман обращают на себя внимание стихи, в которых сопряжены древнегреческие мифы с современностью, она умело переплетает исторические культурные пласты с событиями нашего времени, создавая свою картину жизни, в её непрерывности и единстве.

Д. Ч.

* * *

Загудел Харон –
Ух и грязный ты!
Оставайся, человек, на своём берегу!
Таких, как ты не перевозжу на тот брег,
Умойся в Стиксе прежде, чем обол мне давать,
да про взгляд не забудь, слышишь?!
Окуни, говорит Харон, глаза в воды Стикса,
по самый лоб в забвение окунись!
Ох, и грязный ты, повторял Харон,
ох на что мне, мол, человеки такие!
Не отмыть их ни беспамятством
ни, тем более, бессмертия ручейком...
Глянь, как пенится Стикс, как бурлит их злопамятством –
окунись по затылок, человек, промой взгляд!
«А ведь я – награда твоя!» – говорит человек,
я, – говорит, – духа твоего воплощенье!»
А Харон: «таких, как ты, не берём на тот брег,
так и живи, брат, в стихотвореньи».

* * *

Почтим же, други, память наших предков.
Священных крыльев нет, как нет и снов.
И вот уж золото волос не золотое,
А цвета снега. Под снегом всё –
И предки и их сны.

* * *

Как осторожно ты таешь,
тянешь хилые лапки,
жалко скулишь на морозе
и от слишком большой жары:
тонкими синими лапками
заклинаешь молебные дали
и вдруг цепенеешь от страха,
как от слишком большой любви.
Возьми имя, какое хочешь:
на камне строкой ли, слогом
быть забытым – не всё ль равно?
Воспоминание детства:
по полупрозрачной лужице
тонкими ножками –
за сыроежками в лес...
А из лесу пьяный леший,
озарённый твоими тайнами,
одарённый твоими соснами
глядит, как ты медленноходишь,
вот уже по колено,
по пояс, по горло в воде,
как тихо ты тонешь, таешь,
снегурка воспоминанья,
по-русски о чём-то молишь...
Но мне непонятны эти
странные тихие звуки,
с детства знакомые звуки
на первом моём языке.

* * *

Не рассыпаться, а – сыпаться смело.
Чуть-чуть понарошку, чуть-чуть неумело.
Чуть-чуть с подфиалочной влажной ленцой.
Чуть-чуть очумело – на сердце, в лицо.
Чуть-чуть под гитару, чуть-чуть полусном
В хвостатые будни продлиться зевком.
Чуть-чуть – на загвоздку,
Чуть-чуть на ответ
Ветрено-хлѣсткий,
Которого – нет.
Просыпаться чутко,
Проснуться чуть-чуть
И снова – в мохнатую залежь нырнуть.

* * *

Много ли значит – понять язык птиц,
ящериц быстрых, червей безобидных,
много ли значит – с осиною пить
да с рыжей лисой на выданье?
А что это значит – мне ли не знать,
когда с летом прощается небо,
а ночью мерещится то ли ртуть, то ли тать,
и рядом с микстурой целебной
ангел испуганный, крылья сложив,
в руках – пузырьёк, за спиною – небо,
руки в молитве: мёртв али жив?
Так, молча, и стой, ничего не требуй.

ПАМЯТНИКАМ

Я завидую вам, свергнутые
с современности пьедестала,
за то, что вы видели много,
не за то, что видели вас;
не за то, что вы значите толпам,
а за то, что вы над ними стоите,
молча наблюдая беснующихся
право-левых, не важно каких;

все станут пылью истории,
все затихнут, исчезнут, лишь вам
дано век доживать долгий
поверх бесноватой толпы.

ЦИКЛ О МУЗЕ

1.

Надоел ты музе, юноша – разве не видишь?
Тошно ей от тебя, юноша, дал бы ты ей отдохнуть;
ведь что такое выдохшаяся муза –
не более, чем салат оливье на тарелке:
съел и нету.
А ты всё дёргаешь её за рукав, всё чушь свою гнёшь,
в рот ей глядишь, тот ещё стоматолог.
Разве не знаешь: муза – как старые вина,
чем дольше не пьёшь, тем драгоценнее каждая капля.
Не приставай, говорю – уже начинает злиться,
ничем её не задобрить, если совсем разозлить.
Да и зачем тебе муза? Ступай к Афродите –
с ней найдёшь не только общий язык,
но и совместную жизнь – произведёте на свет
девочек-полубогинь и мальчиков полу-героев.
А муза угробит тебя, юноша ты недалёкий.
Не тереби, говорю, за рукав, оставь платье в покое,
потянёшь – порвёшь; в чём ей тогда ходить?
Вот тебе, юноша, вата: уши заткни,
ведь муза – она, что сирена: песню такую споёт,
что оглохнёшь: глухим и помрёшь.
Вон, видишь, осунулась вся, тоска на лице,
синяки под глазами от страсти твоей бестолковой,
а ты её всё теребишь, мол, дай мне ещё хоть строчку!
Вот сандалии твои, вот хитон – одевайся быстрее,
да колчан, полный стрел не забудь,
чтоб через год, в котором все дни – без строчки,
в себя запустить стрелу.

2.

«Центр мира – в зрачке ребёнка,
а не в твоих, муза, капризах да подсказках.
Хоть и больно тебе от слов моих,
хоть и текут по щекам твоим слёзы –

да мне ли неправду говорить тебе, муза?
Тебе, как на ладони, видны все мои мысли,
каждая извилина в моём мозгу
для тебя прозрачна, как это стёклышко.
Ты меня из воздуха соткала сама,
как та верная жена, Пенелопа, кажется,
днём погребальный покров ткала, а ночью
нитку за ниткою всё распускала...
Но не будем про тот грустный покров,
хотя, муза, ты только об этом и думаешь.
Ведь так же, как мои мысли у тебя на ладони,
так и твои для меня давно не секрет.
Насквозь тебя вижу, капризная муза!
То тебе это не так, то – не то. На тебе ведь мир
не сошёлся клином! Другую себе найду!
А наряд, что ты сшила себе из гласных,
в детский дом отдам – пригодится сиротам!
А из согласных – венки им на голову!
Ты ведь не Мона Лиза, чтоб веками
глядеть с музейной стены на мир.
Века нам, так или иначе, не светят.
Когда сожгут твоё тело – не перебивай,
ведь сожгут же! – о чём вспоминать будешь?
О каких согласных? Вот потому говорю,
что центр мира – в зрачке ребёнка,
а не в твоих, муза, капризах
и прочей твоей чепухе...»

3.

МОЗГ И МУЗА

Мозг медленно-медленно собирает себя по частям,
набухает чем-то розовым в центре,
тужится, как человек на низком унитазе,
клонится то влево, то вправо,
и вдруг взмывает вверх белой птицей
и начинает говорить, как поэт, стихами,
и жилы на нём, полные крови, становятся туже,
и музу он нетерпеливо дёргает за подол –
и вот он весь перед вами – тот ещё Аполлон.
А муза, она ведь дева, послушна самой себе,
и даже питомцу своему не всегда отвечает,
особенно, если он пыжится и на нём взбухают красные жилы;

не по душе ей, знать, всё это собираенье себя по частям –
жрец из мрамора ей по душе куда больше, чем этот медлительный мозг,
мнящий себя Повелителем Музы.
Вот, а вы говорите – любовь. А вы говорите – святость.
Она говорит – отойди, что на её языке похоже на «брысь»,
а осмелся он прошептать «Я – твой раб, муза,»
она возьмёт его в руки, бросит на землю и раздавит своим каблуком.

ЖАР

Даль обещала тайну.
Тайна рассыпалась на
Море, залив и пальму,
На тропики полусна.
Даль измеряют жаром,
Миниатюрой – сон.
Заповедью многопалой
В охапку сгребает гром
Невыветрившейся заразы
Лёгких дыханьем глаз,
Даль захвативших разом
В хриплый последний раз.

Суживается перспектива:
Одеяло, будильник-вор.
Подсовывают мне чтиво.
Рецепты и капли. Вздор!
Тропической метастазой
Ощупывает судьба,
Пусть многопалым глазом
Сворует меня орда
Всех слов, что ты миру не додал,
В тропиках растворясь,
Стекая тропинкой пота,
Прощаньем, застывшим в фас.

М(ед)УЗА

Ошибиться легко, говорила муза,
А правду искать – разве кому запретишь?

На прибрежном песке ярко сияли лужи,
в песочной яме лежала прозрачная вещь.

Ошибиться легко, повторила муза,
особенно выпивши два стакана вина,
мускатного, греческого – ни тебе образов
после второго стакана, ни мыслей, ни сна.
А что на безлюдном песчаном пляже
прозрачной медузы привиделся след –
никто не поверит тебе, если – даже –
укажешь на след её: медузы нет.